

РАННЯЯ ИСТОРИЯ АКАДЕМИИ НАУК: ФАКТЫ И ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Филатов Владимир Петрович

Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия
toptiptop@list.ru

DOI: 10.19181/smtp.2019.1.2.12

АННОТАЦИЯ

Анализируется история проекта Петра I по созданию в России Академии наук. Рассматриваются проблемы отношения между учёными и российской бюрократией, а также результативность научной деятельности Академии в XVIII в. Обсуждается социокультурная реконструкция условий и механизмов переноса новых форм знания и соответствующих институтов на не подготовленную для этого российскую почву. Показывается, что Академия наук подготовила возможности для появления университетов в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Петр I, Санкт-Петербургская Академия наук, перенос институтов науки, учёные и бюрократия, Л. Эйлер, М. Ломоносов, экология науки

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Филатов В. П. Ранняя история Академии наук: факты и их социокультурная реконструкция // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 2. С. 196–203. DOI: 10.19181/sntp.2019.1.2.12

История отечественной Академии наук началась в эпоху, которую обычно называют Просвещением. В современных интерпретациях начало этой эпохи обычно относят к 1680-м гг., когда в Европе закончились религиозные войны, когда Османскую империю оттеснили к Балканам и небольшая Западная Европа начала расширяться на восток. В это же время происходило перемещение очагов зародившейся новоевропейской науки из Средиземноморья в северо-западные протестантские регионы Европы. Эти разнонаправленные процессы отделяли Россию от главных центров европейского Просвещения. Дело в том, что подъем славянских регионов с католическим вероисповеданием – Польши, Богемии, Моравии – изолировал Россию от главных центров науки даже в большей степени, чем это было прежде. В этом плане задача насаждения наук на Руси, стоявшая перед Петром I в начале XVIII в., была очень трудной и, можно сказать, авантюрной.

Как же великий реформатор и его последователи решали эту судьбоносную для русской науки задачу? Весьма интересно это описано в недавно вышедшей прекрасной книге петербургского историка науки И. С. Дмитриева и московского философа и историка науки Н. И. Кузнецовой «Академия благих надежд» [1]. Книга представляет собой своего рода историко-научный диптих, она состоит из двух частей, написанных авторами самостоятельно. В первой части И. С. Дмитриев дает подробную фактическую, событийную картину зарождения проекта Академии наук и его реализации в первые десятилетия её существования, делая акцент на двух аспектах: 1) отношении между научным сообществом и российской бюрократией и 2) эффективности научной деятельности Академии. Во второй части Н. И. Куз-

нецова рассматривает раннюю историю Академии в более общем плане и даёт оригинальную социокультурную реконструкцию переноса новых форм знания и соответствующих ему институтов на не подготовленную для этого российскую почву. В результате такой композиции, на мой взгляд, возникает достаточно целостная картина, хотя авторы не во всём сходятся в некоторых оценках становления Академии. Но они сами отмечают, что это различие входило в их замысел.

В чём между авторами есть согласие, это в том, что становление нововременной науки от Коперника до Ньютона было уникальным и очень сложным процессом, ключевые роли в котором играли не только такие гении, как Коперник, Галилей, Декарт и Ньютон, которые выдвигали новые теории и новые методы познания, но и фигуры типа Ф. Бэкона, которые отвергали прежнюю схоластику, пропагандировали практическую значимость новой науки и её ценность для общества. Ко времени, которое рассматривается в книге, в Западной Европе этот процесс революционных преобразований в принципиальных моментах был завершён, парадигмальным событием чего стал выход «Математических начал натуральной философии» Ньютона (1686 – 1687). Известный историк науки А. Койре оценил эти трансформации в науке и мировоззрении в целом как «наиболее революционный переворот, который совершил (или который претерпел) человеческий разум после изобретения Космоса древними греками... Необходимо было реформировать структуры самого нашего разума, заново сформулировать и пересмотреть его понятия, представить бытие новым способом, выработать новое понятие познания, новое понятие науки – и даже заменить представляющуюся столь естественной точку зрения здравого смысла другой, в корне от него отличной» [2, с. 131]. Этот момент стоит подчеркнуть, поскольку на нашу «туземную почву» (В. О. Ключевский), едва затронутую схолистической сохой, переносилось не просто некое полезное «голландское знание», но новый тип науки, ещё не нашедшей себе устойчивого места даже в европейских университетах, сохранявших в то время средневековый корпоративный дух. И вполне понятно, что такая наука не могла «самозародиться» где угодно, но переносилась посредством миграции учёных и копированием нужных для неё институтов.

Конечно, ни сам Пётр I, ни его основные советники по насаждению просвещения и наук в России Г. В. Лейбниц и Хр. Вольф не осознавали тогдашнюю ситуацию в той перспективе, в которой её видят современные историки и философы науки. Задача состояла в выборе более зримых вещей, конкретных институтов образования и науки, которые можно было бы перенести в Россию. Лейбниц во время встреч с Петром и в многочисленных записках к нему предлагал весьма обширный проект этого, рассмотренный И. С. Дмитриевым в главе «Крёстный отец Академии». Если опустить детали, то в этом проекте главная роль отводилась Академии наук как основному научному органу, в подчинении которого должны быть университеты, готовящие специалистов-практиков в нужных для государства сферах деятельности. Вольф, убеждённый, что *ubi universitas, ibi Europa*, предлагал вместо Академии наук начать с организации нескольких университетов. Без этого

Академия будет лишь фантомом, рассчитанным на престиж в глазах иностранцев. У самого Петра также постепенно складывался проект действий. «Действительно, уже в период Великого посольства 1697 – 1698 гг. Пётр, побывав в Голландии, Англии, Австрии и других странах Европы, где изучал кораблестроение и кораблевождение, посещал лекции по астрономии и анатомии, знакомился с коллекциями музеев и преподаванием наук в университетах, встречался со многими известными учёными и т. д., смог составить более или менее ясную картину западноевропейской научной жизни» [1, с. 12]. Важную роль сыграло то, что во время поездки по Европе Пётр в 1717 г. детально ознакомился с работой Парижской академии наук, беседовал со многими французскими учёными, знакомился с их техническими изобретениями. Это оказало влияние на окончательное решение Петра учредить в Петербурге именно Академию наук.

Правда, царь отошел от европейской практики, в которой академии и университеты были отдельными и весьма разными институтами. Петербургской Академии наук, помимо исследовательской и экспертной, предписывалась и образовательная функция, её члены должны были читать публичные лекции, писать учебники и готовить будущих учёных из отобранных для этого «природных русских» молодых людей. Стоит отметить, что последняя функция реализовывалась Академией в течение всего XVIII в. наименее успешно, учиться в «академическом университете» никто не стремился, да и сами академики тяготились этим делом. Н. И. Кузнецова приводит такие цифры: «в течение первых шести лет училось восемь студентов, прибывших из Вены (ни одного «природного русского»!), а в 1731 г. студентов не было вовсе. В 1735 г. указом Сената были направлены на обучение 12 человек из московской Славяно-греко-латинской академии (среди них были Михайло Ломоносов, Степан Крашенинников). Ломоносов, как известно, закончил Марбургский университет, а Степан в качестве студента академической гимназии отправился в Камчатскую экспедицию. В 1783 г. в Академическом университете обучалось два студента, в 1796 г. – три» [1, с. 369].

Но основная, научная, функция Академии осуществлялась достаточно успешно. В Академию удалось привлечь целый ряд хороших учёных из Европы. В 1725 г. в Петербург прибыли 16 человек (1 француз, 3 швейцарца, 10 немцев), из которых 7 получили статус профессоров (академиков), остальные начали карьеру в качестве адъюнктов. В этом же году по собственной инициативе прибыл Хр. Гольдбах, а в 1727 г. будущее светило Академии Л. Эйлер. Все они были молоды (средний возраст их был около 30 лет) и разделяли в основной массе принципы нововременной науки. Так, на первом заседании Академии (еще до её официального открытия) Я. Герман сделал доклад, посвящённый обсуждению ньютоновской теории формы Земли как сфероида, сплюснутого у полюсов. В целом по общим оценкам Академия работала результативно, особенно если учесть её небольшие размеры и весьма скромное финансирование. И. С. Дмитриев попытался более точно оценить вклад российских академиков в мировую науку на основе хронологии крупных открытий и достижений науки в XVIII в. [3]. В период 1724 – 1794 гг. из 224 научных событий петербургские академики упоминаются 26 раз, при

этом 15 упоминаний связано с работами Л. Эйлера и 7 с трудами М. В. Ломоносова, упоминается также Камчатская экспедиция. И. С. Дмитриев оценивает эти результаты как скромные, особенно мал вклад в развитие физики и химии. Мне же представляется, что десятая часть мировых достижений для молодой Академии, созданной на ровном месте, это не так уж плохо. Что касается физико-химических областей науки, то было бы странно ожидать их развития в крестьянской стране, в которой не было развитого цехового ремесла, мануфактур, аптекарского, горного дела и т. п. О важности такой почвы писал в свое время Б. Гессен в работе «Социально-экономические корни механики Ньютона». Поэтому не случайно достижения наших академиков тяготеют к двум полюсам – математике и теоретической механике и тому, что в те времена называлось «естественной историей», воплощением чего стали комплексные научные исследования огромной и неизведанной территории России, в которые П. С. Паллас, И. Г. Гмелин, Г. М. Ловиц, С. П. Крашенинников и некоторые другие учёные-натуралисты внесли огромный вклад.

Один из самых интересных и весьма актуальных и в нынешнем контексте сюжетов анализируемой книги – это вопрос о том, как Академия наук встраивалась в систему власти и как она управлялась российской бюрократией. Здесь налицо сильное отличие от западноевропейской ситуации, особенно британской. В Лондонском королевском обществе было немало дворян – любителей науки. В отличие от этого, «основной массе российского дворянства был совершенно чужд просвещенческий научный этос, нормы и ценности науки, не говоря уж о понимании роли научной теории в познании мира. Ведь европейские идеи попали в России не на *terra virginea*, как полагал Лейбниц, а в сложный контекст уже сложившейся национальной культурной традиции» [1, с. 113]. А эта традиция была такова, что и сменявшие друг друга правительницы, и их фавориты, и окружавшее их полуграмотное дворянство смотрело на учёных как на слуг, пусть экзотических и обходящихся дороже обычного. Лишь самый начальный период работы Академии, когда её президентом был Л. Блюментрост, можно назвать относительно благополучным. После смерти Анны Иоанновны (1740 г.) Академией правили случайные люди, возросла роль бюрократии, некоторые академики возвращались на родину, проявлялось и недоброжелательное отношение к иностранцам. В этой весьма неблагоприятной обстановке учёным приходилось тратить и время, и силы в борьбе за саму возможность научной работы. В этой борьбе возможности бюрократии явно перевешивали, но учёные всё же находили определённые ресурсы: неподчинение приказам академической Канцелярии с последующими просьбами к властям о самоуправлении Академии; демонстрация лояльности и подчёркивание своего международного научного авторитета; поиски влиятельных патронов; игра на патриотизме; подчёркивание уникальных компетенций членов академического сообщества [1, с. 329–330].

Н. И. Кузнецова свою часть «диптиха» назвала «Пётр-сталкер и формирование российской науки». Здесь она добавляет немало ярких фактов к очерченной выше истории, но её основная цель другая – показать важность академической новации Петра I на общем фоне его социальных реформ, а

также значимость этого проекта и уроков его реализации для общей картины европейского Просвещения.

Ныне многие считают реформы Петра «неорганической модернизацией», в других и более резких выражениях оценивали его деяния в своё время славянофилы. Однако, по мнению автора, в этой «неорганике» слишком многое оказалось важным и вполне жизнеспособным. В этом плане «в конце XVII – начале XVIII в. Пётр I выступил в роли своеобразного «сталкера» – человека, завезшего ряд инородных, чужеродных социальных организмов, которые – не без долгих усилий со стороны энтузиастов-сподвижников и преемников – оказались плодотворными, укоренились, стали жить собственной жизнью и постепенно преобразовали традиционную русскую культуру» [1, с. 342]. Исходя из этого, Н. И. Кузнецова предлагает очерк социокультурной экологии науки – реконструкцию комплекса обстоятельств и факторов, благодаря которым стало возможно рождение, существование и развитие российской науки.

В свете такой экологической оптики Пётр предстаёт весьма проницательным новатором. Из существовавших в то время образцов – Лондонское Королевское общество, Парижская академия, Берлинская академия – он выбрал Парижскую академию, поскольку её устройство подсказывало, как науку можно формировать «сверху». Он учитывал и особенности размещения нового учреждения («Новый Амстердам» в Санкт-Петербурге), и необходимость прямого императорского патронажа с сохранением академического самоуправления. Пётр намечал и организовывал и инфраструктуру деятельности Академии: библиотеку, музей (Кунсткамеру), типографию, способную печатать новым шрифтом её труды, переводную литературу, учебники и т.п.

Чтобы наука могла закрепиться и развиваться на столь неподготовленной для этого почве, по мысли Н. И. Кузнецовой, должны в той или иной степени реализоваться необходимые условия и факторы. Исходными являются аксиологические факторы: власть должна ясно заявить, что научное знание – дело государственной важности. В плане внутренних ценностей науки нужно было добиться, чтобы то, что ныне называют нормативным этосом науки, перешло от крупных учёных-иностранцев к их русским ученикам. Во-вторых, важны были правовые установления, открывающие путь в науку талантам из всех сословий, а не только детям дворян. Третий фактор связан с оценками научных результатов. Если это отдаётся на откуп бюрократии, то наука начинает деградировать. Это должно быть делом самого научного сообщества. Далее, важны базовые составляющие культуры, прежде всего связанные с национальным языком. Как известно, в XVIII в. шло быстрое развитие книгопечатания на национальных языках и вытеснение латыни как интернационального языка учёных. В русском языке поначалу не было слов для обозначения самых простых понятий математики, физики или химии, но сравнительно быстро эта диковинная научная лексика вошла в наш язык. О следующем факторе, «информационном», уже говорилось выше. Наконец, важны экономические факторы. Хотя в первые годы Академия наук оценивалась как «рай для учёных», на деле её финансиро-

вание вскоре стало нерегулярным и весьма скромным. Некоторые учёные в результате стремились к получению чинов, но оказывались перед дилеммой «свобода исследований или деньги».

Н. И. Кузнецова разделяет со своим соавтором тезис о том, что российские преемники Петра не могли осознать значимость его мысли о том, что Академия «сама себя правит». Особенно пагубно это отразилось в регламенте Академии 1747 г., принятие которого препятствовало формированию корпоративного научного сообщества. В результате бюрократия встала над учёными, и возможность научных исследований переплелась с практиками выживания учёных. В рамках российской научной традиции этим намечена «колея», которая даёт знать о себе и в наши дни. Однако даже в таких условиях деятельность локального академического анклава нашла отклик в обширной Империи. Петровский призыв «к новой усиленной наукой жизни» слышали М. Ломоносов родом из поморских крестьян, В. Тредиаковский из семьи священника в Астрахани, В. Адодуров из новгородских дворян, С. Крашенинников – сын солдата из Москвы. Все они разными путями стали адъюнктами и профессорами Академии. Главное же достижение Ломоносова, как ныне видно, следует искать не в его научном или литературном творчестве, а в крайне важном для России культурном проекте – учреждении Московского университета. Пусть он пользовался в этом деле одним из названных выше ресурсов – сотрудничеством с «влиятельным патроном», сфаворитом Елизаветы И. И. Шуваловым. Но это дало начало новому – университетскому – пути развития науки, который после университетских реформ середины XIX в. стал основным для российской науки.

Итоговый вывод книги состоит в том, что Санкт-Петербургская Императорская академия наук оправдала связанные с ней «благие надежды». С этим можно согласиться: действительно, наша Академия в XVIII в. вошла в пятёрку ведущих научных академий наряду с британской, французской, прусской и шведской. В последующие два с лишним столетия Академия переживала и подъёмы, и упадки, а порой и трагические времена. Но во всей этой длинной истории выражение «академическая наука» оставалось символическим эталоном подлинной научной деятельности.

Книгу стоит прочитать всем, кто занимается или интересуется историей и философией науки. Она интересна и в плане общей интеллектуальной истории России. Глубина анализа соединяется в ней с яркой и оригинальной формой изложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дмитриев И. С., Кузнецова Н. И.* Академия благих надежд. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 448 с.
2. *Койре А.* Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. М.: Прогресс, 1985. 286 с.
3. *Фолта Я., Новы Л.* История естествознания в датах. Хронологический обзор. М.: Прогресс, 1987. 495 с.

Статья поступила в редакцию 04. 11. 19

EARLY HISTORY OF THE ACADEMY OF SCIENCES: FACTS AND THEIR SOCIO-CULTURAL RECONSTRUCTION

Vladimir P. Filatov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

toptiptop@list.ru

DOI: 10.19181/smtp.2019.1.2.12

Abstract. The history of the project of Peter I on the creation of the Academy of Sciences in Russia is analyzed. The problems of the relationship between scientists and the Russian bureaucracy, as well as the effectiveness of the scientific activities of the Academy in the 18th century are examined. The sociocultural reconstruction of the conditions and mechanisms for transferring new forms of knowledge and relevant institutions to the Russian environment unprepared for this is discussed. It is shown that the Academy of Sciences has prepared the possibilities for the emergence of universities in Russia.

Keywords: Peter I, St. Petersburg Academy of Sciences, transfer of institutes of science, scientists and bureaucracy, L. Euler, M. Lomonosov, ecology of science

For sitas: Filatov, V. Early history of the Academy of Sciences: facts and their sociocultural reconstruction // *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika. Vo I. No. 2. P. 196–203.* DOI: 10.19181/smtp.2019.1.2.12

REFERENCES

1. Dmitriev, I., Kuznecova, N. (2019). *Akademiya blagih nadezhd* [Academy of good hopes]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 448 p. (In Russ).
2. Koyre, A. (1985). *Ocherki istorii filosofskoj mysli. O vliyanii filosofskih koncepcij na razvitee nauchnyh teorij* [Essays on the history of philosophical thought. On the influence of philosophical concepts on the development of scientific theories]. Moscow, Progress. 286 p. (In Russ).
3. Folta, J., Nowy, L. (1987). *Istoriya estestvoznaniya v datah. Hronologicheskij obzor* [History of the natural sciences in dates. Chronological review]. Moscow, Progress. 495 p. (In Russ).

The paper was submitted 04. 11. 19